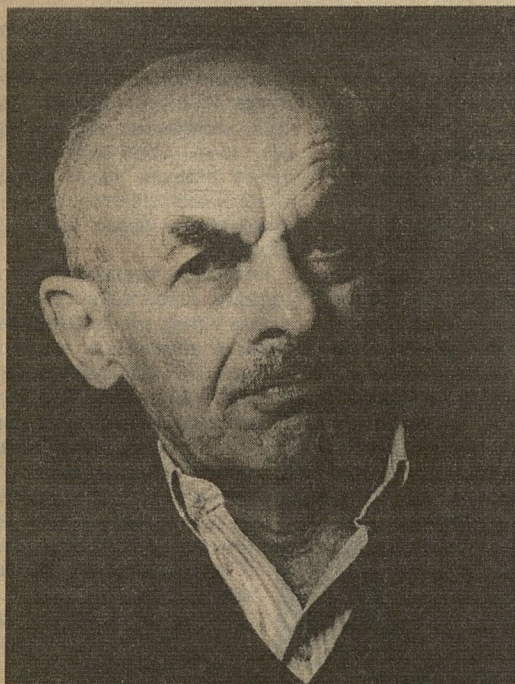

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Памяти Булата Окуджавы

«В любых ситуациях мы должны быть людьми»

Телевизионное интервью Булата Окуджавы, которое показали через два года

Об этом невозможно было не вспомнить, когда в день прощания с Булатом Окуджавой многокилометровая скорбная очередь заполнила Старый Арбат, его — Окуджавы — Арбат. Эта улица не привыкла к подобному, не привыкла к трауру.

Но именно здесь, в театре Вахтангова, 18 июня Россия прощалась со своим поэтом. И в этот же день телекомпания НТВ в своей программе «Герой дня» показала широкой аудитории необычное интервью. Необычность его была в том, что со времени записи этого разговора прошло больше двух лет. Это было интервью, которое поэт Булат Окуджава дал съемочной группе НТВ 26 февраля 1995 года.

Поводом для беседы стала чеченская война. Но все же тот разговор вышел далеко за рамки этой темы. Что же касается показанного видеосюжета, следует отметить, что даже независимой телекомпании НТВ потребовался неординарный повод, чтобы через два года дать запись давнего интервью в эфир...

Мы предлагаем вниманию читателей «Русской мысли» газетную версию этого телевизионного интервью Булата Окуджавы. Текст печатается с незначительными сокращениями.

Предваряя 18 июня показ этого интервью, журналист Владимир Кара-Мурза в программе «Герой дня» пояснил:

Сегодня Москва, Россия прощаются с человеком, чьи песни и стихи на протяжении последних сорока с лишним лет очень часто звучали в унисон с мнением многих, очень многих людей в бывшем СССР и за его пределами. Я в этой программе только для того, чтобы рассказать о той телевизионной съемке, которую мы впервые представляем вашему вниманию.

Это было 26 февраля 1995 года. Мы приехали на дачу к Булату Окуджаве в Переделкино. Шла чеченская кампания, и нам важно было знать мнение о происходящем поэта-фронтовика, участника битвы за Кавказ времен Великой Отечественной войны. Но Булат Окуджава говорил не только об этом.

Булат Окуджава: — ...Я ранен под Моздоком был в декабре 42-го года.

Корр.: — То есть для вас эти места — они еще с тех пор...

— Ну что вы, что вы!..

«Мы плохо помним прошлое, мы не учимся на ошибках»

...Я недавно встретился с одним лейтенантом, который был в Чечне в плену и который был ранен под Моздоком.

Я его спрашиваю: «А куда вы были ранены?»

Он говорит: «В ногу... В декабре... Под Моздоком».

Я ему говорю: «Ну, давайте вашу руку — я тоже ранен под Моздоком...».

Он на меня посмотрел дико — что-то он меня там не встречал. (Продолжает с иронией). Вообще ему как-то странно показалось. Я ему говорю: «...но в 42-м году только».

Тогда мы, мальчишки, совершенно сознательно, не в поисках приключений отправились защищать страну от напавших на нее фашистов — будем так говорить.

Но теперь, когда ради каких-то политических интересов или, еще хуже, ради попытки прикрыть свои собственные ошибки и неудачи в политической жизни отдают приказ — россиянам расстреливать россиян, и грабить их, и уничтожать женщин и детей, и поэтому — никаких оправданий не может быть. Не может быть! И все эти разговоры, когда я вижу по телевизору выступления всяких генералов, я вижу перед собой совершенно ничтожных людей, просто советских военных, привыкших ко лжи, к удобному креслу и ради этого готовых и врать, и делать что угодно...

И вообще я понял в последнее время, что, к сожалению, советская власть продолжается. Под новыми лозунгами она продолжается. Люди, которые создавали советскую власть, они были и преступниками, может быть, и слепыми людьми, но они были по-своему бескорыстными и честными людьми — они хотели, чтобы я был счастлив. Правда, они меня не спрашивали, что мне для этого нужно, для счастья. Они уверены были, что они правы. В этом их беда и преступное проявление, конечно. А нынешние — это циники. Циники, которые готовы произносить любые лозунги, лишь бы устроиться поудобнее. Вот разница.

Вместо того, чтобы вести длительные переговоры, да еще с таким маленьким, но трагическим и сложным народом, — трудные переговоры, длительные очень, может быть, потратив на это и усердие, и деньги, тут просто по-советски все решается, просто, «по-пролетарски»: — А ты со мной несогласен? На вот тебе по роже!

И всё.

А сейчас — я не сомневаюсь, хотя я вижу убогость Грачева и всех их, я вижу, какие это убогие люди, вижу... — и сейчас они, может быть, понимают, что они неправильно поступили и совершили даже ошибку. Но они никогда не признают этого. Никогда!

— Да, вот в чем дело...

— В том-то вся и беда, что понятия «совести» и «благородство» — ничего этого нет. Ничего. Ничего...

Мы плохо помним прошлое, мы не учимся на ошибках... (Тяжело вздыхает). И у нас сейчас главенствует опять наше старое печальное «авось»: Авось.. Авось.. Авось..

Знаете, я сейчас вспоминаю в связи с этим не относящийся к войне маленький эпизод. Лет сорок тому назад был у нас в Союзе писателей такой поэт Василий Журавлев — поэт маленький, человек ничтожный, но рвущийся к власти, так сказать, писательской. И тогда появились только Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина — юные совсем. И он все время выступал в газетах и их травил, и лил помой на них. И однажды я ему сказал в Доме литераторов: «Ну, что же ты их помоями поливаешь? Ну, ты же видишь прекрасно, что они талантливые люди и что будущее за ними».

А он ответил: «Верно. Но мы пока накомбуемся».

Вот и всё, совершенно откровенно. Я думаю, это относится и к нашим генералам, и к нашим политикам...

(Читает свое стихотворение)

Мне русские милы из давней прозы и в пушкинских стихах.

Мне нравится их лень и смех, и слезы, и горечь на устах.

Когда они сидят на кухне старой во власти странных дум, их горький рок, подзвученный гитарой, насмешлив и утрюм.

Когда толпа внизу кипит и стонет, что гордый ум и честь, — их мало так, что ничего не стоит по пальцам перечесть.

Мне по сердцу их вера и терпенье, неверие и раж. Кто знал, что будет страшным пробужденье и за окном пейзаж?

Что ж, век иной — развеяны все мифы, повержены умы, куда ни посмотреть — всё скифы, скифы, их тьмы и тьмы, и тьмы.

Я с грустью озираю землю эту, где злоба и пальба, и кажется, что русских больше нету, а вместо них — толпа.

«Но я надеюсь, вырастут другие люди, не несущие в себе рабства»

Ну, а после этого надышишься вот так Москвой, насмотришься телевидения, начитаешься газет, потом едешь в провинцию российскую, и оказывается, что общество более цельное там. К счастью.

Да, столица — это уже не показатель. Это такой клубок противоречий, политических интриг, дразг. И потом это так все откровенно. Потому что вообще общество наше находится на очень низком уровне культуры. И

это все особенно заметно... Это все особенно заметно...

Главный признак нашего времени (да и не только нашего) — это неуважение к личности. Дело в том, что Россия всегда жила «под руководством» — хозяина, барина, царя, вождя, генсека... Это уже в психологии. К этому привыкли.

Вот в «те времена» был твердый вожь. Можно было пожаловаться, можно было похныкать, попросить помощи... Иногда давали её, действительно, чтобы не устраивать публичного несчастья.

А теперь жаловаться некому, а психология осталась прежняя. Вот и вспоминаются эти «добрые времена».

Ничего не может вернуться в прежнем виде, хотя в каком-то новом качестве может возникнуть что-то похожее, подобное, напоминающее. Конечно, конечно...

Общество у нас не стабильное, не умеет самостоятельно мыслить. Это — общество, привыкшее к тому, что на него не обращают внимания, им не интересуются, каждый думает о себе.

Но, с другой стороны, я надеюсь, что теперь — для этих новых властей — большую роль играет всё-таки мнение мира. Играет! Ну, чисто экономическую, может быть. Понимаете? И, конечно, они будут притворяться, делать вид. В общем, не позволят такому бесчинству возникнуть, как было. Конечно, нет.

...Ну, при Брежневе тоже не было ведь? Не было?! Но были другие формы — то психушки были, еще что-то такое, — были другие формы борьбы. Понимаете?

А сейчас нашли замечательный способ: не обращать внимания на инакомыслие. Кричи что хочешь — пожалуйста! Сколько угодно!..

Но я надеюсь, что всё-таки — конечно, не сразу и, конечно, не без труда, но когда сменится несколько поколений — вырастут другие люди, не несущие в себе этого рабства, с новой психологией. Обстоятельства ведь заставляют, чтобы там ни делали.

Вот мне рассказали замечательный анекдот «о новом поколении».

Пятилетнего Вовочку спрашивают: «Вовочка, а ты знаешь, кто такой Чапаев?»

Он говорит: «Знаю!»

«Кто?»

«Негр!»

«Как то есть негр? Почему?»

«А он с белыми воевал...»

«Ах, Арбат, мой Арбат!..»

...Арбата нет вообще, нет Арбата, хотя, может быть, это и неплохая улица. Я уже тысячи раз это повторял и с архитекторами говорил, которые это делали.

Окончание на стр. II

Телевизионное интервью Булата Окуджавы, которое показали через два года

Начало см. стр.1

Я говорю: "Ну зачем нужно было уничтожать Арбат?" А они отвечают: "Ну, почему? Хорошая улица получилась! И вот приезжают из Бирюлева, им нравится..." Я говорю: "Ну, и построили бы в Бирюлеве. Зачем нужно было эту улицу-то разрушать?"

Но... А это опять ведь сводится к чему? Вот там сидит кто-то в Моссовете. А его приятель-архитектор, ему надо "проявить себя" как-то. Ну, договорились. А кто-то там фонари умеет делать. Да? Он свое туда внес. Одна компания, а теперь мы говорим "мафия". Да? Ну, вот и всё.

А потом подводится философское обоснование, конечно, потом...

У меня есть там знакомые, и они в общем... Они мучаются, конечно. Им неприятно это всё. Но сейчас, слава Богу, хоть убрали всякую торговлю там. Но все равно кое-что осталось. Вот попробуйте, поживите там летом — откройте окно. И со всех сторон эта музыка. Может быть, вы любитель этой музыки. А если нет?..

«И самое главное — не терять человеческого достоинства»

...Ну, а вся наша жизнь состоит из крушения и возникновения надежд. Потому что без надежды жить нельзя. Маленькие надежды, большие надежды...

— ...А у вас уже нет надежды?

— Нет, все равно у меня есть надежда. У меня есть надежда. Вот, мелочь такая, понимаете, мелочь, не относящаяся к войне. Я приезжаю в Сибирь. И мне рассказыва-

ют, что в течение трех лет сюда приезжают выступать самые крупные знаменитости мировые. В зале 15 человек. А последний год — сплошные аншлаги. Понимаете? Вот такие мелочи...

Или я встречаюсь с библиотекарями. Старые, нищие, несчастные совершенно. Влюбленные в свои книги, ничего не видящие кругом, и старающиеся всем навязать свою любовь к книгам.

Вот на этом все будет держаться. Только на этом. И с помощью этого мы выкарабкаемся когда-нибудь. С помощью вот этих людей. Понимаете?

Вот наша культура, говорят, умирает. Ничего она не умирает. Она, может быть, несколько отступила в тень перед тем, что происходит. Но она существует. Потому что, если умрет культура, — вымрет и народ, вымрет нация. Она не умирает, она, может быть, и есть единственное средство, которое позволяет нам существовать...

— То есть не стоит обращать внимания на эти привходящие обстоятельства?..

— Нет, нельзя не обращать внимания! Мы же все граждане, мы же в этом "варимся", это нас колет, мы кричим от боли. Это другое дело совершенно.

Но мы всё-таки не должны терять надежды. И — самое главное — мы не должны терять человеческого достоинства. Понимаете? В любых ситуациях мы должны быть людьми, мы должны уважать окружающих, а не только себя.

Подготовил к публикации
ВАЛЕНТИН ЕЛИСЕЕНКО

Москва

Вместо послесловия

11 июня Калужское областное законодательное собрание решало вопрос о присвоении звания "Почетный гражданин Калужской области" Серафиму Туликову и Булату Окуджаве. (С. Туликов здесь родился, а Б. Окуджава работал учителем в Калуге).

Депутат из Обнинска Н.Турчин (секретарь горкома КПРФ) предложил исключить этот вопрос из повестки дня. При этом глава обнинских коммунистов сослался на решение депутатов Обнинского собрания, выложив на стол председателю следующий замечательный документ:

Председателю Законодательного собрания Калужской области
В.М. Колесникову

г. Калуга, Старый Торг, 2

Уважаемый Виктор Михайлович!

Депутат Н.Турчин обратился в Обнинское городское собрание с просьбой высказать нашу позицию по предстоящему рассмотрению 11.06.97 на заседании Законодательного собрания о представлении С.Туликова и Б.Окуджавы к званию "Почетного гражданина Калужской области".

Насколько нам известно, в средствах массовой информации данный вопрос не обсуждался, каких-либо письменных предложений или обращений к нам по этому поводу не поступало.

Нельзя судить о людях только по результатам литературного и музыкального творчества в отрыве от их гражданского облика. Ведь речь идет о звании почетного гражданина в целой области. В настоящее время значительная часть московской интеллигенции занимается разрушением русской духовности и культуры, насаждает чуждые нашему национальному самосознанию ценности.

Мы не готовы ответить, достойны ли С.Туликов и Б.Окуджава звания почетных граждан, не зная их гражданских позиций. Полагаем, что это мало кто знает и в других районах области. Депутаты Обнинского городского собрания считают, что решение данного вопроса следует отложить и вернуться к нему после проведения изучения общественного мнения.

С уважением

Заместитель председателя городского собрания **Н.С. Якубовский**

Лукавит, однако, заместитель председателя Обнинского городского собрания, бывший замполит, бывший капитан I ранга Якубовский. Гражданская позиция Булата Окуджавы широко известна. Именно за нее его терпеть не могла власть прежняя и до сих пор терпеть не могут и бывший замполит, и нынешний секретарь горкома КПРФ. Ненавидят за тот глоток свободы, которым были для меня в юности песни Булата Окуджавы (как и для многих интеллигентов в Обнинске). Депутаты опозорили Обнинск. Дальше все пошло по известному сценарию: с повестки сняли вопрос об Окуджаве. Звание почетного гражданина Калужской области получил Серафим Туликов, автор песни: "Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой..." Как и было задумано. Для чего и было подброшено это подметное письмо обнинских депутатов, оказавшее, кстати, фальшивкой. Ибо вопрос этот — о присвоении звания почетного гражданина Калужской области — на заседании Обнинского городского собрания вообще не обсуждался.

ТАТЬЯНА КОТЛЯР,

депутат Обнинского городского собрания

Обнинск

«И если грянет правды торжество...»

Булат Окуджава участвует в работе Комиссии по помилованию

Полтора года назад "Российский адвокат" в материале "Обратный отсчет" рассказал о судьбе осужденного Константина Чередника. Коротко напомним его историю.

В 1989 г. молодой предприниматель приехал в Таллин по своим делам. Вечером он пошел с приятелем в кафе. Позднее там произошла драка. Здесь же один из ее участников получил смертельный удар ножом. В убийстве эстонская Фемида обвинила Константина Чередника, который на свою беду оказался поблизости от эпицентра потасовки. Местный суд приговорил его к 12 годам лишения свободы.

Напрасно Константин писал во все инстанции, указывая на предвзятость следствия, откровенно обвинительный уклон судебного разбирательства, призывы расправы с ним, которые раздавались со страниц националистически настроенных изданий. Ответом ему было глухое молчание.

Шли годы. Казалось, ничто не изменится для него к лучшему...

Прерывистая трель звонка полетела в квартиру. Как долго ждал он этого — одним махом преодолеть деревянные ступеньки в подъезде старого дома и оказаться возле знакомой двери, за которой был мир, оторванный от него на восемь длинных бесконечных лет!

Но они могли растянуться еще на четыре с лишним года. Еще на полторы тысячи дней, сменяющих друг друга с монотонной бездушной размеренностью, втиснутой в небольшой квадрат земли, промеренный до последнего сантиметра, сглаженный до безликой ровности шагами, взглядами. Еще сорок тысяч часов, падающих в пустоту, невозвратность, отчаяние...

Оно давило его душу, выжигало ее до черноты, до омертвления. Но оно же всколыхнуло души других людей, подвигло их к сочувствию, к сопереживанию...

После того, как рассказ о непростой судьбе Константина Чередника был опубликован на страницах "Российского адвоката", в редакцию пришли десятки писем. Их авторы — разные по возрасту, жизненному пути, месту обитания — были единодушны в одном: попавшему в беду человеку необходимо помочь.

Но первые же шаги, предпринятые "Российским адвокатом", показали, что на скорое решение проблемы рассчитывать не придется. Многоопытные специалисты снисходительно поясняли, что из наших благих намерений ничего не выйдет. Дескать, и статья УК "глухая", и все произошло в теперь уже иностранном государстве. А это — МИД, визы, загранпаспорта, обращения к зарубежным чиновникам. И за всем этим маячил призрачный призрак денег. Больших денег, без которых, мол, никакими силами не разжечь интереса профессионалов к этому делу.

Казалось, все упирается в какую-то незримую стену, которую никак не преодолеть в лоб и не обойти стороной. Можно было отступить, сославшись на утешительное оправдание: обстоятельства выше нас. Но всякий раз, когда одолевало сомнения, перед глазами вставала фигура человека, бредущего вдоль высокого решетчатого ограждения, протянувшего свою угрюмую тень по земле.

Судьбе было угодно, чтобы одному из нас довелось встретиться с Булатом Шалвовичем Окуджавой. Не все поклонники его таланта знают, что он уже который год участвует в работе Комиссии по помилованию при президенте РФ. Узнав о судьбе Кости Чередника, Булат Шалвович тут же рассказал, что необходимо сделать, чтобы помочь ему вернуться к нормальной жизни.

Здесь не было ни грана снисходительности мэтра, любующегося своей внешностью. В словах Булата Шалвовича, в самой интонации его раздумчивого голоса звучала та искренняя, идущая от души заинтересованность, которая сродни руке друга, протянутой для поддержки в трудную минуту. Забегая несколько вперед, скажем, что жур-

нал и дальше постоянно ощущал товарищеское внимание Булата Шалвовича, его помощь и доброе расположение, которые были особенно ценны, когда нам приходилось продираться сквозь всяческие бюрократические препоны, опутанные, подобно спирали Бруно, хитроумной казуистикой.

После встречи с Булатом Шалвовичем Окуджавой в казавшейся поначалу безнадежной ситуации появилась обнадеживающий просвет. Теперь должно было сказать свое слово руководство колонии, где отбывал наказа-

с таким напряженным вниманием, как один из рядовых обитателей колонии, расположенной в старинном русском городе. Константин каждую тревожащую весть воспринимал как предупреждение, что все может сорваться в любую минуту: слишком многое зависело от стечения обстоятельств, которые порой складывались самым драматическим образом.

Неспокойно чувствовали себя и мы в редакции. В круговерти событий, охватившей страну, судьба одного человека ничем не отличалась от песчинки, подхваченной разбушевавшимся ураганом. Куда он ее унесет? Какие новые ветры понесутся над землей?

Булат Шалвович подбадривал нас, но не все зависело от него. Лишь в начале этого года Комиссия по помилованию смогла рассмотреть дело осужденного Чередника. В тот же день Булат Шалвович позвонил в редакцию.

— Комиссия единогласно приняла решение о помиловании Чередника, — сказал он.

Теперь оставалось ждать указа президента России. Нас сразу предупредили, что это потребует определенного времени. Пришлось снова запастись терпением. И хотя нас уверили, что все идет обычным

рутинным порядком, нет-нет да и закрадывалась порой мысль: а вдруг где-то произойдет осечка? Пути канцелярские неисповедимы. Пройти дорогу, полную волнений и тревог, уже видеть, можно сказать, почти осязать цель и неожиданно оказаться ни с чем? Можно ли представить что-то более удручающее?

И словно гигантская гора, размером в дюжину Эверестов, свалилась с плеч, когда стало известно, что президент РФ подписал указ о помиловании целой группы осужденных. Среди них был и Константин Чередник.

Мы сразу же позвонили начальнику колонии Николаю Сергеевичу Паневину, поделились с ним радостной вестью и попросили пригласить к телефону Чередника. Через несколько минут в трубке послышался его глуховатый голос:

— Слушаю, осужденный Чередник. — Костя! Ты уже больше не осужденный. Поздравляем!

На другом конце телефонной трубки повисла звенящая тишина. Потом раздался прерывистое:

— Спасибо... Извините, не могу говорить... Слезы мешают...

РОМЕН ЗВЯГЕЛЬСКИЙ
ВЛАДИМИР СЕЛЕДКИН

Москва

Печатается в сокращении

Пароль человечности

"Русская мысль" пришла с известием о смерти Булата Окуджавы. И словно что-то легкое обрывается в сердце. Ставлю пластинку. Сколько вкуса, такта, изящества, душевной гармонии, сколько тихой, твердой, играющей веры в человека. И сколько ненавязчивого, обаятельного искусства человеком быть. Быть им среди нас, тех, кого он невидимо соединил своим голосом. Да, конечно, всякая поэзия рождается прежде всего из себя самой, из собственной души, но искусством она становится лишь тогда, когда достигает глубины чужого слуха, чужого сердца. И в этом умении добираться до сердца другого и спеть песню другого Окуджава был, наверное, один на всю нашу разногласную эпоху. И как стихи его не могут расстаться с голосом и гитарой, так и его присутствие нельзя отделить от его поколения, поколения Окуджавы. Оно определяется не возрастом, но особой тональностью, которая в нас звучит и живет в нас.

Его голос точно узнается и в прозе, совершенно иной и, наверное, более искусной, чем стихи, и ее век в литературе, кажется, еще и не начинался. Он всегда будет с нами. Это так же верно, как и то, что и нас-то не останется надолго. Этот колокол звонит по тебе. Колокол по синему троллейбусу, по влюбленному муравью, колокол по тебе, шагающий в огонь бумажный солдатик. Этого мира больше нет, но остается подлинный напев его, тот пароль человечности, по которому люди тогда могли узнавать друг друга. И эта угаданная им интонация не рассыпется со временем, и "тенья убежит", и даже неподвижной "клас-сикой" не станет, она пребудет — и здесь, и там — как опыт сердца, как звук и привкус времени, как всякая подлинная радость, которая была дана нам в этой жизни.

Да упокой и да встретит Вас Господь, Булат Окуджава. Мне никогда не довелось говорить с Вами, лишь несколько раз пересечься взглядом в далекие годы в Москве и сравнительно недавно в Париже. Но и я принадлежу Вашему поколению, и меня, как и миллионы других, Вы посвящали в это вечно ускользающее чудо человеческого общения. Оно не останется вместе с пластинкой. Моя молитва и память с Вами.

ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ

Брешия

Специальное приложение

Поэзия, которой так повезло

Виктор Ворошильский о Булате Окуджаве

Перед смертью Виктор Ворошильский успел подготовить к печати свою последнюю книгу, озаглавленную «Мои русские» (дословно «Мои москаля», намек на стихотворение Адама Мицкевича «Друзьям-москалям», заглавие которого обычно переводится как «Русским друзьям». — Пер.), сборник сделанных им переводов из русской поэзии XIX-XX вв., от Александра Пушкина до Ирины Ратушинской.

65 фамилий. 65 комментариев об авторах или обстоятельствах возникновения либо первой публикации произведений. Свыше двухсот стихотворений. Книга внушительных размеров, хотя и не включающая всего богатства переводов поэта с русского. Как сам он говорил, это что-то вроде частного лексикона, «глубоко личный дневник общения на протяжении всей жизни с поэзией, которой так повезло в нашем и предшествующем столетии».

Ворошильский посвятил свою книгу «памяти первого учителя и проводника в переводы русской поэзии — Северина Полляка».

Вопреки принятому автором хронологическому порядку, он открыл свой сборник статьей «Булат Окуджава».

ЭЛЬЖБЕТА САВИЦКАЯ

Варшава

Булат Окуджава (г.р. 1924), обладатель биографии, составленной из частей в этом поколении сюжетов (расстрелянный отец, брошенная в лагерь мать, и он сам, 17-летний доброволец, ковыляющий в солдатских сапогах по размокшим фронтовым дорогам), как и многие другие, выводил свое раннее творчество из пронзительного опыта войны, из печали по тем, кто не вернулся, из юношеской тоски по миру добрых чувств и романтических жестов. Отличие его в этой общности основывалось, однако, не на том, что, как хорошо известно, всякий талант, несмотря на принадлежность к течению или традиции, которым мы можем найти название, остается особым, узнаваемым, самобытным, — конечно, все это относится и к Окуджаве, но приключение, встретившееся именно этому поэту, или точнее, приключение русской поэзии, главным героем которого стал этот поэт, основано на чем-то большем. Так случилось, что эта поэзия, всегда тянувшаяся к песне (что частично вытекало из характера языка, его исключительной мелодичности) и боролась с песней в себе самой (как с соблазном чрезмерной легкости, упрощенных смыслов и

эмоций), в какой-то момент начала преодолевать свой внутренний конфликт и сопутствующее ему расщепление на глубоко чтимую серьезную лирику и вторичную по отношению к ней популярную песню — и в волне авторов, воплотивших этот необычайный процесс, особую роль предстояло сыграть Булату Окуджаве. Возвращая подлинность лирическому «я» стиха-песни, автор «До свиданья, мальчики...» придал «несерьезному» жанру новую серьезность и перенес его в центр поэтического и гражданского брожения.

Случайно или нет, но это совпало с достижениями технического прогресса: магнитофонная запись позволила наделенному мелодией поэтическому тексту, исполненному первоначально в кругу друзей и копируемому затем с пленки на пленку, ничего не теряя от изначальной интимности, — приобрести в сумме очень широкую публику, которая вскоре была способна пользоваться в общении кодом любимых, как их называли, бардов. Первого места в этой плеяде Окуджава не утратил даже тогда, когда появились такие выдающиеся — иные, нежели он, — творцы этого жанра, как Александр Галич и Владимир Высоцкий.

Я познакомился с Булатом во время одного из его приездов в Варшаву в 60-е годы, тогда же возникли и мои первые переводы, а в декабре 1970-го состоялась незабываемый концерт в нашей квартире на Жolibоже — для нескольких десятков друзей: литераторов, актеров СТС (Студенческого театра сатиры. — Пер.), только что выпущенных из тюрьмы студентов, попавших туда после марта 1968 г. Была с нами и пожилая дама, солистка матери Булата, Целина Будзынская, и ее муж Зыгмунт Травинский, который без малого четверть века рубил лес на морозном севере. Приглашая гостей, мы не пользовались телефоном, чтобы не поднимать по тревоге гебешников, и преуспели: вокруг дома не было нежеланных наблюдателей, как то бывало в подобных обстоятельствах, и никого потом не вызвали на мучительные беседы. На пленке, записанной Эдвардом Паллашем (это еще был не кассетник, а старосветский катушечный магнитофон) сохранился молодой голос Окуджавы, общий смех при песенке о гусе, гомон и обрывки разговоров в перерывах...

Пожалуй, тогда или несколькими днями позже, во время вылазки в Свентокшицкие горы, в лесничество Зелинских, между нами (обоими по-своему несмелыми) растаял последний ледок. «А знаешь, — сказал Булат, когда мы при-

«...когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой». Фото В.Крохина.

шли к нему в гости в Москве в августе 1994 г., — что мы уже тридцать лет знакомы?»

За эти годы я неоднократно переводил Окуджаву, по разным случаям и без таковых; первым моим переводом был «Голубой шарик», помещенный в «Штандарде млоды» в 1962 г. В 1970 г. Польское музыкальное издательство выпустило (а затем четырежды переиздавало) в моих и Витольда Домбровского переводах 20 песен нашего друга «для голоса и гитары». В 1988 г., уже без преждевременно скончавшегося собрата по переводу, я выпустил в том же издательстве вторую тетрадь, 22 песни. Во вступлении к ней я писал:

«Существуют связанные со временем изменения и творческая эволюция Булата Окуджавы — и существует также осязаемое постоянство, единство его поэтического вдохновения... Слушая запись одного из его последних концертов, я, разумеется, чувствую, что поэт уже не так молод, как тогда, много лет назад, когда, думая о расстрелянном отце, он «шагнул с гитарой, растерянный, но живой». Но в то же время с радостью и благодарностью я чувствую, что он все еще живой, все еще остается живым голосом нашего времени, человеческой мысли, поэзии, надежды».

Перевела с польского
Н.Горбаневская.
("Жечпосполита", Варшава,
приложение "Плюс-минус",
14-15 июня)

ПРИЛОЖЕНИЕ

От переводчика: Когда текст Виктора Ворошильского уже ставился в номер, я получила письмо от вдовы поэта Янки Ворошильской. Позволю себе привести один отрывок из этого личного письма:

«Витек успел приготовить, буквально в последнюю минуту, большой том русских поэтов только в своих переводах. Теперь мы стараемся найти издателя, а двум литературным газетам я дала фрагменты этой книги, которую Витек назвал «Moi Moskale». (...) Посылаю тебе фрагмент, напечатанный в лучшем литературном приложении «Плюс-минус» к лучшей газете «Жечпосполита», с которой Витек уже довольно долго сотрудничал. Редактор сделала выбор поэтов еще до смерти Булата. Заметка, посвященная Булату, оказалась посмертным воспоминанием Витека о Булате. «Газета wyborcza» обещает поместить о нем более обширный материал. «Живым голосом» вспомнили о нем Земек Федецкий по телевидению и Анджей Мандальян. Нет уже Агнешки Осецкой...»

ЯНКА ВОРОШИЛЬСКАЯ

Варшава, 17 июня 1997

О Булате Окуджаве говорят его польские друзья

Анджей Мандальян, поэт, переводчик русской поэзии, в том числе стихов Окуджавы

Многих известных художников нередко считают несомненными нравственными авторитетами. Чаще всего, разумеется, совершенно неоправданно — и в конце концов убеждаются, как нелепы попытки отождествить популярных авторов с их героями или даже взглядами. И все-таки, несмотря на это, есть у нас такая жажда авторитетов, что, воспринимая культуру, мы по-прежнему ищем тот или иной образец поведения.

Как раз Булат Окуджава в определенной степени отвечал этим ожиданиям. Он просто был таким, какими были его стихи: глашатай и заступник «маленьких людей», защитник наших незначительных судеб перед великими делами мира сего. Думаю, что эта самая органичная черта его творчества — соответствие того, что написано, тому, кто пишет, — безошибочно схватываемая аудиторией, и была решающей в том эмоциональном приеме, который всегда встречало его искусство.

Думаю также, что не каждому дано ставить нравственные оценки как истории, так и людям красотой своей поэзии и что, хотя современному читателю и слушателю баллад Окуджавы останется непонятным то, что огуляли предшествующие поколения, пораженные чистотой этой ноты на фоне господствующего хаоса полуправд и полужли, его артистизм победоносно выдержит и это испытание.

Булат Окуджава переходит в легенду. Дай Бог, чтобы она была такой же истинной, как он сам! И чтобы она была предостережением для всех, кто, ощущая в себе нравственный закон, не умеет или

не желает увидеть звездное небо над головой.

Ирена Левандовская, переводчица

Ушел Булат. Писатель, поэт, певший свои стихи. Как он сам говорил, в Польше, по крайней мере в 60-е годы, он был известней, чем на родине. У него здесь было много близких друзей, много и таких, кто попросту очень его любил. Они читали его книги и слушали его песни, сначала в магнитных записях, потом уже на пластинках и на концертах.

Его отца расстреляли в 1937 г., а через год посадили мать. 17-летним мальчишкой Булат Окуджава пошел на фронт добровольцем. После войны окончил Тбилисский университет, затем учил детей в школе под Калугой. Тогда он и начал писать.

Первой опубликованной в Польше книгой Окуджавы была его фронтовая повесть «Будь здоров, школяр» (1961), необычайная по тем временам и подвергшаяся в СССР резкой критике за пацифизм. Потом были напечатаны исторические романы: «Бедный Авросимов», «Похождения Шипова», «Встреча с Бонапартом».

Но самым главным — и в России, и для нас в Польше — были его песни. Ни один из русских бардов поколения Окуджавы — ни Владимир Высоцкий, ни Александр Галич, создатели особого поэтического жанра, — не приобрел в Польше такой популярности, как Булат. А протест против порабощения, заключенный в его песнях, хоть и спокойный, был совершенно непримиримым.

Булат был замечательным поэтом и прекрасным человеком. И давним-давним моим другом.

(«Газета wyborcza», Варшава,
16 июня)
Перевод с польского.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об увековечении памяти Окуджавы Б.Ш.

Отмечая выдающееся значение творческого наследия Окуджавы Б.Ш. и его особый вклад в отечественную культуру, постановляю:

1. Учредить ежегодную Литературную премию имени Булата Окуджавы, присуждаемую Президентом Российской Федерации.

Руководителю Администрации Президента Российской Федерации в месячный срок представить проект положения о Литературной премии имени Булата Окуджавы.

2. Правительству Российской Федерации установить стипендии имени Булата Окуджавы для студентов Российского государственного литературного института и присуждать их ежегодно.

3. Министерству культуры Российской Федерации и правительству Москвы осуществить разработку на конкурсной основе проектов памятника Окуджаве Б.Ш. и мемориальной доски на доме, где жил поэт.

4. Рекомендовать правительству Москвы: установить памятник Окуджаве Б.Ш. в районе улицы Арбат; присвоить имя Окуджавы Б.Ш. одной из улиц или площадей г.Москвы и одной из школ с гуманитарным уклоном в центре г.Москвы.

Президент
Российской Федерации
Б.Ельцин

19 июня 1997 года
№ 627

«НА ВСЁ ОТОЗВАЛСЯ ОН СЕРДЦЕМ СВОИМ...»

Быть может, те, кто не дышал воздухом шестидесятых, не поймут нашей скорби: им еще предстоит, оттолкнувшись от прошлого (от нас), обрести свое лицо через выразителя своей истины — но выразителем нашей был Булат Окуджава. Подсознательно и двадцатилетние живут в намеченной им ойкумене. Никто не сделал больше для формирования культурного пространства послевоенной России — и никого Россия не любила больше и полнее. Это редчайший случай действительно всенародной прижизненной любви. Сегодня невозможно найти двух русских (опять: из тех, что постарше), которые бы расходились решительно во всем, — в одном они непременно сойдутся: в любви к Окуджаве. В традиционных обществах такая власть — примирять непримиримое — принадлежит монарху. Она достается ему по праву рождения, и монарх осуществляет ее не как личность, а как символ. Каким же врожденным даром должен был обладать человек, объединяющий нас теплом своего сердца? Громадным — по меньшей мере. Признав это, отложим вопрос о том, что мы любим в Окуджаве: его песни, его стихи или его лирического героя, рождение которого было началом нашей свободы.

Свою всенародную славу Окуджава нес с достоинством поистине царским. Он не уронил себя ни при большевиках, ни в новых обстоятельствах. «Когда придет дележки час, не нас калач ржаной поманит...».

Грязь не прилипала к нему, политическим схемам он был чужд — этим и оказался страшен прежней власти, которая в растерянности отступила перед ним. Поэт ничего не отрицал, кроме человеческой низости, ничего не утверждал, кроме душевной высоты и благородства.

Сын армянки и грузина, всегда помнивший о своих корнях, он был русским — в том единственном смысле, который с этим словом можно связать: в смысле языковом и культурном. Его родиной был не Арбат, а русский язык. В свой черед и сам Булат Окуджава стал неотъемлемой частью этой «родины вечной».

ЮРИЙ КОЛКЕР

Лондон

Примерно месяц тому назад, в середине мая, Булат Окуджава, будучи в Германии, решил изменить маршрут своей поездки, чтобы заехать к Льву Копелеву в Кельн. Так в последний раз в своей жизни встретились два писателя. Умершие один вслед за другим, друг на друга похожие и в то же время совсем разные. Оба безмерно честные. Оба — последовательные демократы.

Л.Копелев — не просто человек с комсомольским прошлым. Он даже в лагере, как сам рассказывает об этом сам в книге «Утоли моя печали», долгое время оставался вполне советским человеком, а первое время и пламенным поклонником Сталина.

За девять в половиной лет ГУЛАГА он так и не сумел понять (и это тоже его собственное признание!), что дело не в Сталине, а в системе и продолжал упорно верить в «незыблемую справедливость основных положений марксизма-ленинизма». Сталина считал хотя и жестким политиком, но все же выдающимся государственным деятелем; не хотел сравнивать с Гитлером и Муссолини. Затем, при Хрущеве, перечитывая стенограммы партсездов и другую партийную литературу, убедился в ложности былых представлений о вожде, хотя «все же верил в праведность Ленина и самым надежным средством научного познания истории считал тот критический метод, который разрабатывали Маркс, Энгельс» и т.д.

Шли годы. «Я убедился, — пишет Лев Копелев, заключая книгу воспоминаний, — что уже не способен шагнуть ни в каком строю... теперь я не принадлежу никакой партии, никакому «союзу единомышленников». И стремлюсь определять свое отношение к истории и к современности теми уроками, которые извлек из всего, что узнал или с а м испытал».

Бывший в юности вполне «правильным» советским человеком, Копелев пришел к той жизненной философии, о которой будет говорить потом всю жизнь, именно с а м, без посторонней помощи, иногда даже сопротивляясь Солженицыну и вообще тем, кто пытался ему что-то доказать.

Его мировоззрение отличает очень спокойное и трезвое не отрицание, а именно неприятие кумиров: «Хочу быть свободен от какой бы то ни было рабской зависимости духа. И уже никогда не поклонюсь ни одному кумиру, не покорюсь никаким высшим силам, ради которых нужно скрывать правду...»

Коммунист в прошлом, он не стал антикоммунистом, он выбрал какой-то другой путь, который, наверное, можно назвать путем личной свободы. Любимым словом Льва Копелева становится слово терпимость. «Терпимость — главное условие сохранения жизни на земле... Терпимость не требует скрывать разногласия и противоречия. Напротив, требует, понимая невозможность всеобщего единомыслия, именно поэтому воспринимать чужие и противоположные взгляды без ненависти, без вражды. Не надо притворяться согласным, если не согласен. Однако нельзя подавлять, преследовать несогласных с тобой», — писал он, приближаясь к концу своей жизни. Копелев цитирует Вяч. Иванова, которого вообще очень ценит и считает одним из своих учителей: «Достижение понимания каждого человека как другого, равного в каком-то смысле Я, и создает нравственные основы человеческого общежития».

Не механическая замена одной идеологии на другую, а нечто принципиально иное — система, исключающая любой тоталитаризм, пусть даже принимающий самые неожиданные формы.

«В первом веке нашей эры было сказано: «Блаженны кроткие... Блаженны милостивые... Блаженны миротворцы...» За два тысячелетия еще никогда, как сейчас, не были необходимы именно миротворцы. Настоящие — не лицемерные, бескорыстные, терпимые миротворцы». Вот они — «те беспредельные миры Евангелия», которые, как признается сам писатель, он в конце концов открыл для себя, хотя никогда публично не называл себя христианином. Копелев услышал в Нагорной проповеди ту ноту, которой мы часто не замечаем: Иисус зовет нас к уважительному и бережному отношению друг ко другу, и это не есть какой-то способ достичь внешнего мира, «мирного сосуществования». В этом призы-

«Оба потрудились на славу, чтобы мы были людьми...»

Булат Окуджава и Лев Копелев

ве таится нечто значительно более глубокое — путь к Богу открывается только для того, кто признает право другого на его взгляды. В противном случае этот путь ведет не к Богу, а только к м о е м у представлению о Боге.

Не случайно, наверное, Копелев и Окуджава успели повидаться друг с другом буквально накануне своей смерти. Оба прошли через войну, оба прошли через комсомол и были «верующими» коммунистами (сегодня это как-то не укладывается в наше видение Булата Окуджавы, но ведь он поэтизировал Гражданскую войну и вполне по-коммуни-

мунизм — не знаю) обыкновенные человеческие ценности».

В отличие от старших по возрасту (Анны Ахматовой или Бориса Пастернака) или младшего (Иосифа Бродского), которые всегда знали цену режиму, при котором жили, и никогда не идеализировали советскую власть, Булат Окуджава был вполне советским человеком — и именно поэтому его услышали миллионы, для кого он был во всех отношениях своим.

«Никакой борьбой с советской властью он не занимается. Но его счастливый дар помогает сохранить в душах людей то, без чего — исчезни это вдруг — любое освобождение и любая борьба потеряли бы всякий смысл», — так писал о нем Н.Коржавин.

Счастливым дар — вот поистине удачное выражение, когда говоришь об Окуджаве. Освобождение — не менее меткое слово! Своими песнями он действительно помог освободиться миллионам и миллионам людей от того плоскостного или двухмерного, примитивного понимания жизни, что навязывалось нам всеми способами, через все средства массовой информации, через школу и детский сад и т.д.

Крестившийся всего лишь за несколько дней до смерти, он был в течение всей своей жизни псалмопевцем. Еще Афанасий Великий в IV в. говорил о том, что псалмы Давидовы — это своего рода зеркало души. Читая псалмы, узнаешь в них самого себя, видишь свою собственную душу как в зеркале. То же самое можно смело сказать о песнях Б.Окуджавы. Человек 60-70-х гг. увидел в них самого себя, свои собственные радости и сомнения, свои проблемы и свою боль. Увидел — и схватился за гитару и стал повторять эти песни, носить их с собою в сердце, ибо в них сказано было то, что жило в его сердце, советского студента или инженера, жила, но никак не вырывалось наружу, а скорее, наоборот, загонялось внутрь и, более того, вытравлялось из сердца как нечто постыдное или, во всяком случае, не отвечающее тем задачам, что ставила перед народом его партия.

Верующих было и тогда много, но почти все они не знали и не подозревали даже, что чувство, жившее в их сердцах, было верой в Бога — Того, которого они сами отравили на свалку истории. Не подозревал об этом и Б.Окуджава, хотя в своих стихах и в своих песнях он говорил как раз об этом, а не о каком-то другом чувстве. Обо всем, что живет в глубинах нашего сердца, о том, отчего оно бьется и болит...

Его стихи и песни — это всегда исповедь. Он говорит в них о чувствах самых, казалось бы, простых, но при этом бесконечно важных, ибо они представляют собой condition sine qua non (непременное условие) нашего человеческого Я. А говорить о них было не принято. Это — любовь и боль, тоска и надежда, и еще — то чувство, когда в

сердце щемит, а отчего, не знаешь, и еще — нежность... На днях не помню кто именно, но сказал: с ним ушла нежность.

Его «Молитва» стала для тысяч, даже для миллионов людей, никогда не молившихся и вообще не знавших, что это такое, их первой молитвой. «Господи, прорви глухоту мою», — воскликнул некогда Августин. Глухота, духовная и просто психологическая, советского человека прорывалась, когда он повторял «Молитву» Окуджавы и другие его тексты.

Когда-то Шатобриан сказал, что человек, если у него отнимают храмы, попадает в хижину колдуна. Если этого тогда не произошло с советским человеком, то, думаю, мне, во многом благодаря Булату Окуджаве. Как Вергилий у Данте, он провел целый ряд поколений через тот ад, в котором все мы жили (не христианин, как и Вергилий, он вел людей ко Христу!).

«Одна морковь с заброшенного огорода» — так называется лучшее, быть может, стихотворение Б.Окуджавы о войне. Здесь говорится о том, как пехотные ребята нашли у разрушенной хаты всего лишь одну морковку — «на сто ртов — одна морковь пустяк»... Но что было дальше?

Мы морковь по-братски разделили,
и она кричала на зубах...

Шла война, и кровь лилась рекою.

В грозной битве рота погибла.

О природа, ты ж одной морковью,

как Христос, насытить нас смогла!

И наверно,

уцелела б рота,

если б в тот последний смертный час

ты одной любовью, о природа,

как Христос,

насытила бы нас!

Мне слышится в этих стихах тоска по евангелию, о которой ни сам поэт, ни его герои ничего не знают и, скорее всего, никогда не слышали. И не только тоска, но и какое-то парадоксальное прикосновение к таинству в условиях, когда это, казалось бы, невозможно.

Христос входит в нашу жизнь не благодаря, а, совсем наоборот, вопреки обстоятельствам. В Себе Он соединяет людей не в тех случаях, когда это возможно, а — если у них есть жажда этого. Не зная даже не догадываясь об этом, Булат Окуджава стал свидетелем того, как действует в нас Христос.

Копелев цитирует слова Бердяева: «Работа наша должна совершаться не во имя будущего, а во имя вечно настоящего». Нас учили жить во имя будущего — Окуджава сумел рассказать человеку о том, что делается внутри него самого, и тем самым показать, что жить надо не ради строительства лучшего будущего, а для преображения настоящего.

Б.Окуджаву знали миллионы, его песни пелись повсюду, даже теми, кто никогда не слышал его имени, хотя таких было немного. Копелева знали сотни, быть может, тысячи, не более, как всякий ученый он был известен в основном специалистам. Но оба потрудились на славу, чтобы мы были людьми и не утратили бы наш, данный нам от Бога облик...

Священник
ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

Москва

Памяти Льва Копелева
посвящены статьи и воспоминания
на стр. 17
этого номера «Русской мысли»

Москва прощается с Окуджавой (Арбат, 18 июня).

19 июня в храме Свв. бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана в Столешниковом пер. в Москве было совершено отпевание Булата Окуджавы, получившего в св. крещении имя Иоанн в память о св. мученике Иоанне Воине. «Он был, действительно, воином», — сказала вдова поэта Ольга Владимировна. Отпевание совершил священник Георгий Чистяков в сослужении оо.Владимира Лапшина и Владимира Вигилянского. По-славянски пел хор под управлением регента Е.С.Кустовского, на грузинском языке — хор храма Св. великомученика Георгия Победоносца в Грузинах.

На Ваганьковском кладбище, где Б.Окуджава был похоронен, была отслужена лития. Хор пел по-грузински. Накануне, 18 июня, в течение всего дня Москва прощалась с Б.Окуджавой в Вахтанговском театре на Арбате. Люди шли к его гробу до позднего вечера.

стически говорил о «комиссарах в пыльных шлемах»). Оба самостоятельно преодолели веру своей юности и стали по-настоящему свободными людьми, прекрасными именно этой свободой.

Хорошо пишет об этом Наум Коржавин в послесловии к сборнику стихов Окуджавы, опубликованном в 1968 г. в Германии: «Как и его сверстники, он тоже долго (не знаю, как сейчас) верил в коммунизм как воплощение правды, справедливости и смысла жизни... При этом у него была репрессирована мать и уничтожен отец, оба верующие коммунисты, передавшие ему свою веру. Он тоже прошел через войну и, как его сверстники, пережил там крушение: одних представлений и начало формирования других... и, наконец, ... дождался краха сталинской легенды... и ощутил себя внутренне свободным, легализовав в своем сознании (возможно, как-то увязывая их с ком-

Фотографии Булата Окуджавы
на страницах I, II, IV —
работы Михаила Лемкина.